
УДК 82.0 (470.662)

ББК 83.3 (2=Инг)

Г 70

Горчханова Т.Х.

Ассистент кафедры русской и зарубежной литературы Ингушского государственного университета, e-mail: gtanzila@yandex.ru

Художественное своеобразие рассказов Шамиля Ахушкова *(Рецензирована)*

Аннотация:

Рассматриваются малая проза Ш.З. Ахушкова – рассказ «Ибрагим и Ахмед» и циклы рассказов «Ингушетия» и «Три кавказских рассказа», ранее известные только в узких научных кругах. Короткие рассказы, написанные в 20 – 30-х гг. XX века, представляют большой интерес своим неординарным подходом к изображению ингушской действительности в годы становления советской власти, созданию образов, решению актуальных проблем того времени, таких как коллективизация, калым, а также проблем взаимоотношений мужчины и женщины и людей в целом в современную автору эпоху.

Ключевые слова:

Ингушская литература, малая проза, короткий рассказ, национальный характер, цикл рассказов, проблема, тема, идея.

Gorchkhanova T.Kh.

Assistant Lecturer of Russian and Foreign Literature Department, Ingush State University, e-mail: gtanzila@yandex.ru

Art originality of stories by Shamil Akhushkov

Abstract:

The figure of Shamil Zaurbekovich Akhushkov's (1907-1944) is famous in a pleiad of the Ingush writers of the 1920 – 1930s who have made an essential contribution to development of specific and genre diversity of national literature. The versatile, gifted person, he entered the history of the Ingush culture as the large prose writer, one of the original authors in a genre of the short story, as well as the film expert, the film critic and the cinematographer. He had a good command of the Russian, French and Ukrainian languages in addition to his native Ingush language.

Keywords:

Ingush literature, Shamil Akhushkov, small prose, short story.

В плеяде ингушских писателей Заурбековича Ахушкова (1907 - 1944). 20 - 30-х гг. XX в., внесших существенный вклад в развитие видového и жанрового многообразия национальной литературы, выделяется фигура Шамиля Ахушкова (1907 - 1944). Человек разносторонне одаренный, он вошел в историю ингушской культуры как крупный прозаик, один из первых авторов в жанре короткого рассказа, а также

киновед, кинокритик, кинематографист; владел, кроме родного ингушского, русским, французским, украинским языками.

Ш. Ахушков родился в тот период, когда его отец, Заурбек Хаудиевич Ахушков, был вынужден жить на чужбине. З. Ахушков - корнет Ахтырского гусарского полка покинул Россию совсем еще молодым, так как ему грозило лишение всех воинских званий и длительное тюремное заключение. По косвенным сведениям, корнет ответил пощечиной полковнику Андрееву на оскорбление с его стороны, за что и был взят под стражу в 1895 г. Ему удалось бежать в Турцию, где он служил в турецкой армии. Только через двадцать лет уже зрелым мужчиной во время Первой мировой войны он вернулся обратно в Россию, был помилован и служил в Кавказской Туземной конной дивизии. О матери Ш. Ахушкова известно только то, что она была француженкой.

Благодаря разысканиям исследователя и архивиста Берснако Газикова стали известны многие факты биографии Ш. Ахушкова. Судя по материалам, найденным Б. Газиковым в архивах России и Украины, и по его произведениям, доступным сегодня читателю, мы можем говорить, что Ахушков внес значительный вклад в развитие не только ингушской литературы, но и советского киноискусства.

Из известных художественных текстов Ахушкова самый ранний – рассказ «Ибрагим и Ахмед» (опубликован в газете «Сердало» в 1926 г. на ингушском языке); цикл рассказов «Ингушетия» (опубликованы в 1927 - 1928 гг. в журнале «Червоний шлях» на украинском языке), неопубликованные рассказы из цикла «Три кавказских рассказа», написанные на русском языке (1932 г.), пьесы, ряд очерков и сценариев на украинском языке. Также Ахушков является составителем трудов по истории мирового киноискусства. Вначале творческой деятельности молодой писатель посылал свои рассказы А.М. Горькому в Италию.

А.М. Горький дал высокую оценку литературному дарованию Ш. Ахушкова. В письме к А.Н. Тихонову, датированному 1927 годом, он писал: «Обратите внимание на ингуша Ахушлова (Ахушкова. – Т.Г.), автора книги «Ингушетия», очень «экзотичные» и грамотные рассказы» [1: 56-57].

Интерес к писательству побуждал молодого Ахушкова искать встреч со знаменитыми мастерами слова. Из воспоминаний Юрия Полтавцева, его друга, нам известно, что в январе 1928 года Ахушков вместе с ним приехал в Москву из Харькова специально для того, чтобы встретиться с Михаилом Булгаковым. В воспоминаниях Ю. Полтавцева об этой встрече содержатся ранее неизвестные факты биографии и творчества Ш. Ахушкова. По его свидетельству, ими совместно было написано несколько сценариев: «Гаврош» – киноинсценировка по роману В. Гюго «Отверженные», инсценировка повести М. Булгакова «Роковые яйца», неоконченный сценарий «Планетный трест» – о придуманном путешествии на Луну советских и американских людей. Ю. Полтавцев вспоминает: «Рассказали и о том, что нас приняли в члены «УТОДИК» (Украинское Товарищество драматургов и композиторов) и ввели даже в состав художественного совета Харьковского русского драматического театра» [2: 232].

Цикл Ахушкова «Три кавказских рассказа», датированный в рукописи 1932 годом, включает в себя два небольших рассказа «Лермонтов» и «Лошадь» и бытовую зарисовку «Бази». Все три рассказа до недавних пор являлись неопубликованными [3] и сохранились в виде машинописных листов, которые были обнаружены Б. Газиковым в РГАЛИ (Российском государственном архиве литературы и искусства). В этих рассказах автор изображает Ингушетию в период коллективизации и создает яркие и колоритные образы горцев, правдиво передавая их нравы и быт.

В рассказе «Лошадь» автор повествует о почти болезненной страсти героя Османа, члена аулсовета, к красивой породистой лошади односельчанина Мусы. Его обуяло желание занять конфискованную у кулака Мусы лошадь: *«Она была красива как женщина, еще красивее может быть. Мусу, служившего прежде у русского помещика, раскулачили. Он оказал вооруженное сопротивление и ранил Османа. Кобылу отобрали, но она исчезла куда-то. А через несколько дней председатель аулсовета услышал, что кобылу прячет у себя Осман»*. Своей иступленной, граничащей с безумием страстью к породистой лошади герой рассказа Осман невольно напоминает лермонтовского Казбича:

– Берд, – тихо сказал Осман и голос его задрожал, – сколько ей лет, столько я про нее думал, Берд... я заработал ее, Берд... И он показал на перевязанную руку.

– Чтоб привел сегодня лошадь, – повторил председатель аулсовета и пошел со двора, не взглянув на Османа.

Вечернее шествие женщин с кувшинами и возвращающегося домой скота совершилось мимо аулсовета – Осман кобылы не привел.

– Ва, Осман! – крикнул Берд. Милиционер хотел открыть ворота и остановился.

В двери сакли появился Осман. Он держал в руке винтовку.

– Кончай базар, Осман, давай кобылу, – по-русски сказал Берд...

– Не могу! – крикнул Осман, вскинул винтовку левой рукой, выстрелил, завизжал и прыгнул в дверь» [4].

Осман, сам участвовавший в раскулачивании, не может примириться с тем, что лошадь достанется колхозу. И он находит выход из этой неразрешимой ситуации. Страшная картина открылась председателю, когда он вошел в саклю: *«Осман сидел на глиняном полу; убитая кобыла лежала рядом. Осман пристрелил*

ее через ухо. Пуля прошла тайным лабиринтом головы и выбила глаз, разбрызгавшийся на белой опалине лба.

– Вот... берите, – сказал Осман в веселой ярости» [4].

Автор в этом коротком рассказе сумел передать и дух непростого времени, и страсти человеческие. Ощущение трагической развязки, характерное почти для всех известных нам рассказов Ахушкова, присутствует и в этом рассказе. Оно появляется уже в первом абзаце: *«Кобылу отобрали, но она исчезла куда-то. А через несколько дней председатель аулсовета услышал, что кобылу прячет у себя Осман»*. Это ощущение достигается автором и в описании южного заката: *«Туман вздувался под горами, раны заката рубцевались темнотой»*. Чувство это усиливается и немногословностью героев, которые не хотят уступать и не видят компромисса в создавшейся ситуации. Берд внешне спокоен и хладнокровен, но тон его речи и краткость фраз говорят о непреклонности, а Осман, напротив, очень взвинчен, возбужден, почти безумен и тоже непреклонен. Атмосфера рассказа накалена до предела, и только выстрел, произведенный в финале в голову лошади, рассеивает это общее напряжение. Конец рассказа остается открытым: автор не посвящает нас в то, как сложилась судьба Османа, но об этом нетрудно догадаться.

Второй рассказ - «Лермонтов» – повествует о печальной судьбе Идриса-конокрада. Повествование ведется от третьего лица – неперсонифицированного автора-рассказчика. В этом произведении всего два героя – Идрис и русская девушка, институтка, заброшенная вихрем политических событий на Кавказ. Сюжет рассказа на первый взгляд может показаться незатейливым. Действие почти отсутствует, писатель довольно скупыми фразами создает картину непростого времени, в котором живет его герой: *«когда белые покидали Владикавказ», «вернулся в коллективизирующийся аул»,*

«был расстрелян». Хронологически рассказ охватывает примерно десять лет: от гражданской войны до коллективизации. О героине рассказа автор дает сведения в нескольких коротких предложениях: *«Когда белые, покидая Владикавказ, раздавали желающим горцам эвакуированных институток, Идрис к двум своим ингушским женам взял русскую жену»*. Героиня привезла с собой томик Лермонтова с дарственной надписью, благодаря которой читатель узнает некоторые подробности о ней: *«Дорогой Лелечке, так обожающей Кавказ, в день ее Ангела от крепко любящей мамы»*. Она впервые увидела Кавказ глазами поэта и любила его: *«Знакомая с Кавказом, созданным искусным вымыслом поэта, русская девушка узнала жизнь третьей жены в ингушском ауле. Через год она получила чахотку и умерла весной»* [4].

Если в предыдущем рассказе ассоциации с героями и сюжетами Лермонтова не столь явны, то в этом произведении уже само название прямо указывает на литературные связи. История героини Ахушкова, которая зачахла и умерла через год в непривычной для нее обстановке и совсем уж непривычной роли – жены непросвещенного ингуша-конокрада – отдаленно напоминает историю Бэлы, которую возможно ждала такая же участь, если бы Казбич не опередил события.

В надпись на форзаце книги, в скудные сведения, заключенные в нескольких предложениях, автор сумел вместить личную трагедию юной девушки, волею судьбы оказавшейся в водовороте больших исторических событий. В Идрисе воплощены черты народного удальца, героя набеговой поэзии. В отличие от воспетых в фольклоре героев Идрис делает набеги не ради того, чтобы помогать бедным и обездоленным, а с целью собственного обогащения, что, впрочем, не мешает ему пользоваться уважением среди аульчан и быть кумиром мальчишек: *«Идрис занимался конокрадством, его признава-*

ли самым богатым и удалым человеком в ауле». Уважением он пользовался не только потому, что *«в своих воровских поездках бывал ранен многократно и всегда спасался от погони»*, но и потому, что *«имел кирпичный дом под железной крышей, лакированный фаэтон на дутых шинах и русского кучера Ефима»*. По своему трагична и его, Идриса, судьба – лихой Идрис в другие времена мог быть героем, но направив свою удаль в неправильное русло, он не вписался в свое время. *«Приговоренный за конокрадство к пяти годам лишения свободы, Идрис отбыл наказание, вернулся в коллективизирующийся аул, попался на новом увODE лошадей и был расстрелян. ... Таков был Идрис, подаривший мне Лермонтова»* [4].

Другой цикл рассказов, объединенных под названием «Ингушетия» [5], был опубликован в украинском журнале «Червоний шлях» за 1927 и 1928 годы. Мы располагаем тремя рассказами из этого цикла: «Цветет алыча», «Женщина» и «Медвежья долина», написанными на украинском языке.

Рассказ «Жінка» (Женщина) – о встрече после долгих лет разлуки героя Заурбека, от лица которого ведется повествование, с родным аулом и другом детства Хасаном. Время действия точно не указывается, но понятно, что перед читателем Ингушетия послереволюционная: *«Красноармейцы ночевали когда-то в ауле. Хасан выменял на кривую их лошадь свой железный кинжал»*. Основная тема – нищета и беспросветность жизни горцев, которая видна во всем. Ахушковым затрагивается актуальная для ингушской литературы, да и для других северокавказских литератур этого времени тема – калым. Но автор рассматривает ее под другим углом зрения. Если в большинстве своем стало привычным считать традицию платить калым унижением достоинства женщины, то Ахушков видит эту проблему намного глубже. От необходимости платить калым больше страдает мужчина, это проблема

социально-экономического характера. Герои рассказа Хасан и Заурбек прямо говорят о ней в разговоре между собой: *«Я был женат, Хасан, но жена бросила меня. У меня не было денег, и она ушла от меня, Хасан ...»*. Хасан же проклинает судьбу и свою жену-карлицу, на которой он был вынужден жениться из-за бедности: *«У меня тоже нет денег. За большую женщину надо большой калым платить. За эту – пусть будет она проклята, я не платил калым. Ее никто не хотел брать»* [6: 53-54]. Жалости заслуживает и несчастная женщина – робкое и покорное существо, - которую муж ненавидит только за то, что она карлица, и сам Хасан, который вынужден был жениться на ней по причине крайней бедности. Через образ Хасана автор показывает тяжелое положение крестьян. Бедность и убогость хозяйства Хасана вызывает у читателя удручающее настроение. Тяжелый труд и беспросветная нужда делают несчастными и Хасана, и его жену-карлицу. В рассказе нет той оптимистической перспективы, которой дышала советская проза. Настоящее предстает в образе загнанной, заезженной лошади: *«Острая губа ее обвисла, и мухи пообседали ее загноенные глаза»*. Жестокость картин, которые мы наблюдаем в рассказе, сродни тем, что можно найти в русском рассказе 20 – 30-х годов (Вс. Иванов, Е. Замятин, И. Бабель и др.).

В рассказе «Квітне алича» («Цветет алыча») главный герой Арчак становится жертвой наглого обмана старой Зигнат – главы аульского женотдела, что приводит к тяжелым последствиям: убийство старухи Зигнат и самоубийство Арчака. Трагедия разыгралась на фоне бурно цветущей весны, что создает резкий контраст между происходящими событиями и неожиданностью концовки. Весна, свадьба как олицетворение молодости, жизни в начале рассказа и убийство, самоубийство, совершаемые главным героем в финале. Нетипичная на первый взгляд ситуация: горец убивает старую женщину и

кончает жизнь самоубийством. Ни то, ни другое не вписывается в горскую этику. Но если вникнуть глубже в психологию и нравы ингушей, то становится ясно, что именно горские обычаи толкают его на это. Герой рассказа горец Арчак не может примириться с тем, что ему без стыда навязывают в жены нечестную девушку. Это приводит его к убийству старухи Зигнат. Арчак обладает цельным характером, у него свои незыблемые представления о чести и достоинстве. Для горца становится невозможной жизнь с грузом совершенного преступления на совести. Он наказывает себя сам, покончив жизнь самоубийством.

Еще более ужасающая картина рисуется Ахушковым в рассказе «Медвежья долина» («Медвежья долина») из того же цикла. В рассказе происходит убийство Баскова – заведующего кооперативом, открывшимся в Назрани. Иналук приглашает к себе Баскова и уговаривает его ограбить кооператив. *«Когда привезли партию мануфактуры, Иналук пригласил Баскова в свою саклю, и пока баран закатывал под кинжалом печальные, наполненные бархатной покорностью глаза, копая дергающимися ногами землю, Иналук предложил Баскову ограбить кооператив»* [7: 84] Не удержавшись перед соблазном, Басков согласился. Деньги решили поделить поровну. Уже вскоре участь барана постигает и самого Баскова. Ахушков показал в рассказе тот страшный разгул преступлений, прикрытых мнимой борьбой с классовыми врагами. *«Скажи, хорошо ты сделал, что ограбил кооператив?» Басков торопливо ответил: «Дело уже сделано, и теперь довольно уже о том говорить. Мы поровну поделили деньги Иналук. Разве тебе твоей половины мало?»... «Мы поровну поделили деньги, и мне достаточно половины; но дальше ехать нельзя, - спокойно сказал Иналук, - ехать дальше нельзя. Я утром думал, думал днем, думал вечером. Ты не кооператив ограбил – большевиков*

обворовал. *Большевики – это народ, а народ – это мы* [7]/

Иналук верно понял действенность лозунгов нового времени: под видом борьбы за справедливость можно безнаказанно проворачивать грязные дела. И Баскову ничего не оставалось, как почти безропотно принять смерть.

Вседозволенность, прикрытая классово-борьбой (которой, по сути, не было в Ингушетии), ведет к деградации и потере человеческого облика. Это время нечистых на руку людей, которые пропагандой народного благополучия оправдывают всякое преступление, вызванное корыстным интересом. Здесь уместно будет вспомнить рассказ Б. Лавренева «Происшествие», в котором самозванец-начальник *«коротельного отряда»* пьяница Рыкало, приговаривает красного командира за «контрреволюционные пастьупки» к расстрелу, *«что и будит произведено семь часов утру, если ни дадут две бочки спирта, только казонный, а ни самогон»* [8: 187]. Корыстный Рыкало готов продать «классовые идеи» за две бочки спирта. Простота и легкость, с которой совершаются такие преступления, прикрываемые лозунгами о всеобщей справедливости, пугают своей обыденностью.

Несомненно то, что писатель хорошо знаком с традициями и обычаями народа. Вместе с тем, нельзя не отметить, что в его рассказах чувствуется некоторая «экзотичность» в изображении ингушей, то есть, это взгляд со стороны, а не изнутри. Ахушков создает в своих корот-

ких рассказах ряд интересных образов: Осман («Лошадь»), Идрис («Лермонтов»), Арчак («Цветет алыча»), Хасан, женщина-карлица («Женщина»), Иналук («Медвежья долина»), но национальная идентичность их недостатков выражена, хотя как литературные образы они достаточно яркие.

Очевидна внутренняя связь прозы Ахушкова с богатыми традициями ингушского фольклора. В то же время хорошее знание русской и французской литературы, с которыми он знакомился в оригинале, способствовало формированию психологизма, стимулировало поиск мотивации поступков, характерологии героев. Приходится сожалеть, что художественное творчество Ахушкова осталось вне литературного процесса своего времени, - оно бы имело бесспорное влияние на уровень и качество внутреннего содержания ингушского писательства.

Живя за пределами Ингушетии – на Украине, в Москве – Ахушков был членом этнографического общества, неоднократно посещал землю предков. Внутреннее родство и ощущение единства с национальной культурой побуждали его писать произведения на национальную тематику, находясь вдали от исторической родины, – сам факт по себе знаменательный и значимый. Сейчас вошедшие в литературу произведения и в целом разностороннее творчество Шамиля Ахушкова восполняют белые пятна ингушской прозы, делая картину национальной литературы более полной и разнообразной.

Примечания:

1. Горький А.М. Письма к А.Н. Тихонову // Горьковские чтения. 1953-1957. М., 1959. С. 56-57.
2. Газиков Б.Д. Сборник сведений об ингушах. Назрань, 2009. С. 322.
3. В 2009 году вышли две книги, в одной из которых напечатаны рассматриваемые рассказы: Ахушков Ш. Неизвестное наследие. Назрань; М.: Ингушский «Мемориал», 2009; Яндиева М.Д. Ингушская Атлантида: Шамиль Ахушков. Назрань; М.: Ингушский «Мемориал», 2009.
4. РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 4977.

-
5. Цикл рассказов «Ингушетия» впервые обнаружен также Б. Газиковым.
 6. Ахушков Ш. Женщина // Червоний шлях / пер. с укр. Ю. Кононенко. 1928. № 3 (60). С. 53-54.
 7. Ахушков Ш. Медвежья долина // Червоний шлях / пер. с укр. мой Т.Г. 1928. № 3 (60). С. 84.
 8. Лавренев Б. Происшествие // Окрыленные временем. Рассказ 20-х годов. М.: Худож. лит., 1990. С. 187.

References:

1. Gorky A.M. Letters to A.N. Tikhonov // Gorky readings. 1953-1957. M., 1959. P. 56-57.
2. Gazikov B.D. The collection of data on the Ingushes. Nazran, 2009. P. 322.
3. In 2009 two books appeared, in one of which the stories under review were published: Akhushkov Sh. Unknown Heritage. Nazran; M.: The Ingush «Memorial», 2009; Yandieva M.D. The Ingush Atlantis: Shamil Akhushkov. Nazran; M.: The Ingush «Memorial», 2009.
4. RGALI. F. 613. Op. 1. 4977.
5. The cycle of stories «Ingushetiya» is also discovered for the first time by B. Gazikov.
6. Akhushkov Sh. A woman // Chervony Shlyakh / transl. from Ukrainian by Yu. Kononenko. 1928. No. 3 (60). P. 53-54.
7. Akhushkov Sh. A bear valley // Chervony Shlyakh / the transl. from Ukrainian is mine T.G. 1928. No. 3 (60). P. 84.
8. Lavrenev B. An incident // Inspired by time. A story of the 20s. M.: Khudozh. lit., 1990. P. 187.